

ИВ. БУНИНЪ

**О ДУРАКѢ ЕМЕЛѢ, КАКОЙ ВЫШЕЛЪ
ВСѢХЪ УМНѢ**

Емеля былъ дуракъ, а прожилъ на свѣтѣ такъ, какъ дай Богъ всякому: не сѣялъ, не пахаль и никакой работы не зналъ, а на печкѣ сытенькій полеживаль. Къ самому царю на оправданье на печкѣ ѣздилъ.

Пошелъ по-воду Емеля, — его братья по сторонамъ занимались, а онъ только на печи лежалъ и невѣсткамъ угожалъ, за водой въ развалочку ходилъ, дрова кололъ да сладкимъ сномъ занимался, — пришелъ онъ на рѣчку, а въ водѣ черная щука ходитъ. Онъ ее поскорѣй за хвостъ и давай наберегъ тащить, а она его стала со слезьми объ милости просить:

— Молъ, пусти меня, Емеля, я гожусь тебѣ въ нѣкое время.

Онъ ее бросилъ, отпустилъ, а она и говорить:

— Проси, чего тебѣ хочется, не хочется.

— Мнѣ, говорить Емеля, ведра несть не хочется: пущай сами идуть.

Она сейчасъ сказала: — «По щучью по веленью, по моему прошенью, идите, ведра, собой сами!» — они и пошли сами ко двору. Емеля слѣдомъ за ними поспѣшаетъ, веселится, пѣсенки потанакиваетъ, а они покачиваются, какъ утки, сами идуть. По селу народъ встрѣвается, во всѣ окна глядятъ, — глянь-ка, молъ, глянь, у Емельки ведра сами идуть! — а онъ дошелъ до двора и шумитъ:

— Эй вы, двери-тетери, — по шучью по веленью, по моему прошенью, отворяйтесь, двери, собой сами! Мнѣ не охота себя трудить, у меня одна думка — послаже на свѣтъ пожить!

Тутъ двери сейчасъ собой сами растворились, а ведра только черезъ порогъ посигиваютъ, стали въ избу прыгать-скакать, а невѣстки отъ нихъ куда попало кидаются, испужались даже:

— Что это, дескать, такое, что это ты, дуракъ, дуро-свѣтишь? Гдѣ ты такое взялъ, что ведра у тебя сами ходятъ?

— У васъ, говоритъ Емеля, не ходятъ, а у меня, говоритъ, ходятъ. Это ужъ пушай умные хрипъ-то гнуть! Пеките мнѣ блиновъ за работу!

Ну вотъ и не разъ и не два ходилъ Емеля такимъ побытомъ на рѣчку и все ведра у него сами гуляли. Потомъ, глядь, дровъ нѣту. Онѣ и просятъ его, невѣстки-то:

— Емеля, а Емеля, у насъ дровъ рубленыхъ нѣту. Ступай скорѣй за дровами, а то тебѣ-же на печи холодно будетъ.

Онѣ опять имъ, ни слова не говоря, покоряется, выходить, стало быть, на дворъ съ лѣнцой, съ раскорячкою и приказываетъ:

— Мнѣ, говоритъ, смерть не хочется дрова рубить, ну-ка, по шучью по веленью, по моему прошенью, руби, топоръ, самъ. А вы, дрова-борова, идите собой сами въ избу, мнѣ не хочется васъ носить, себя безпокоить. Сторона наша, дескать, богатая, лѣнь дремучая, рогатая: въ тѣсныя ворота не лѣзеть!

Топоръ-колунъ сейчасъ у него изъ рукъ шмыгъ, взвился выше крыши и пошелъ долбить, двери въ сѣнцы, въ избу распахнулись, а дрова и давай скакать, — прыгаютъ, вродѣ какъ рыбы али шуки, а невѣстки опять дуромъ этого дѣла испужались, прячутся какая подъ столъ, какая подъ коникъ, — моль, попадетъ, на-смерть ушибетъ! — а топоръ такъ и крошитъ, такъ и валяетъ — во-о сколько нашвырялъ, цѣль-

ное беремя. Невѣстки Емелю съ гнѣвомъ ругаютъ, грозятъ братьямъ нажалиться, а онъ только, какъ сомъ, ухмыляется:

— Вы блины-то мнѣ пеките знайте да масломъ дюжьей мажьте, — а самъ онять на-печь въ отставку полѣзъ, спать да дремать, мусоромъ голову пересыпать.

Потомъ не черезъ долгое время и на дворѣ дрова перевелись. Невѣстки приступили, въ лѣсъ его посылаютъ, братьями тращатъ, нынче, дескать, братья съ работы придутъ, мы имъ накажемъ, что ты насъ не слушаешься, только лежишь да таракановъ мнешь, они, тебя, облома, не поми-луютъ. А онъ, Емеля, на расправу жидкій былъ, страсть этого боя боялся, вскочилъ поскорѣй съ печи, одѣлся въ свой зипунъ-малахай, подпояской подпоясался, взялъ на дворѣ топоръ и заткнулъ за кушакъ за этотъ. Невѣстки говорятъ — тебѣ надо лошадь запречь, ты вѣдь самъ не умѣешь по своей дурости, а онъ говоритъ, а на что она мнѣ, лошадь-то, — только маять ее? Я и на саняхъ на однихъ слѣзжу, у васъ не ходятъ безъ лошади сани, а у меня вотъ ходятъ.

Пошелъ къ санямъ, подвязалъ оглобли назадъ, сѣлъ и приказываетъ: — «По шучью по веленью, по моему прошенью, отворяйтесь, ворота, сами!» Ворота сейчасъ растворяются, а онъ кричитъ: — «А вы, сани, ступайте въ путь-дорогу сами!» Сани и полетѣли, — ихъ лошадь такъ не везетъ, какъ ихъ понесло! — скачутъ черезъ городъ, людей съ ногъ долой сшибаютъ, давятъ, а ему, Емель, и горюшка мало. Народъ — «ахъ, ахъ, сани сами ѣдутъ!» — хотѣли его окоротить — куда тебѣ, его и слѣдъ замело! Потомъ пріѣхалъ онъ въ лѣсъ, остановились эти сани, значить, въ лѣсѣ. Слѣзаетъ онъ съ саней, Емеля, вынимаетъ топоръ изъ-за пояса:

— Ну ка, говоритъ, руби, топоръ, собой самъ, по моему шучьему по веленью. А я посижу, погляжу, въ головѣ маленько почешу: страсть свербитъ что-й-то!

Топоръ сейчасъ же начинается рубить, — только звонъ жундить по лѣсу! Нарубилъ, сколько надо, потомъ Емеля и

говорить: — «А вы, дрова, по моему прошенью, ложитесь въ сани сами, мнѣ не охота васъ класть, это мнѣ не сласть». Дрова и пошли прядать, головами мотать да укладываться въ сани. Навиль Емеля возъ, увязалъ веревкой, заткнулъ топоръ за кушакъ-подпояску, садится на сани и приказываетъ, — ступайте, молъ, теперича, сани, сами ко двору. Сани опять пустились стрѣлой шибкой по городу, дворяне и міряне увидели — «ахъ, ахъ, опять этотъ злодѣй, какой народъ подавилъ!» — хотѣли его перенять, забѣжали подъ дорогу съ дубинками, съ рогачами, только не тутъ-то было, перенять-то его! Подавилъ съ возомъ народу еще болѣ, чѣмъ когда порожнемъ ѣхалъ, приѣзжаетъ ко двору, невѣстки оглядѣли въ окно и давай опять ругать его, — вотъ, молъ, дуракъ какой глупый, сколько ты, обломъ, народу безвинно подавилъ, а онъ имъ отвѣчаетъ, а зачѣмъ, говоритъ, они меня на табельной дорогѣ окорачивали съ дубинками, съ рогачами, подъ сани лѣзли? Потомъ сказалъ свое щучье слово, ворота передъ нимъ вразъ растворились, онъ и въѣхалъ во дворъ съ возомъ. Тутъ опять, значить, посигали дрова-полѣнья въ избу, напужали невѣстокъ опять этимъ стукомъ, а Емеля-дуракъ залѣзъ на печь и опять наказалъ печь ему блиновъ поболѣ да масломъ мазать пожирнѣе.

Ну вотъ онъ ѣлъ, ѣлъ, потомъ глядь въ окно, а тутъ розыскъ, ищутъ его сотники, староста, хотятъ къ наказанью представить за всѣ его баснословья. Онъ былъ забился куда потемнѣе въ уголь, въ соръ, въ паучину, ну только все таки они его нашли тамъ, на этой на печкѣ.

— Слѣзай, говорятъ, Емеля, пришло твое время. Что это ты дуросвѣтишь, народъ калѣчишь? Вотъ мы тебя заберемъ и въ холодную отведемъ, какъ это, молъ, ты безъ лошади ѣдишь, неладно дѣлаешь, чепуху творишь?

Зачали его съ печки снимать, тащить, хотятъ его покою лишить, а онъ обидѣлся на нихъ и говоритъ дубинкѣ своей, какая у него въ уголку стояла:

— Ну-ка, говорить, покажи имъ, дубинка, бѣлый свѣтъ!

Сказалъ свое щучье слово, а дубинка какъ взовьется, какъ козлекнетъ изъ угла да и давай ихъ строчить по рукамъ, по головамъ, старосту и сотниковъ этихъ. Они — ахъ, ахъ, что это, дескать, такое, что дубинка насъ по головамъ кроя? — да поскорѣй вонъ изъ хаты. Кинулись къ становому, къ стражникамъ, онъ, говорятъ, насъ не слушается, а силой его никакъ не возьмешь, идите, значить, сами, можетъ, онъ васъ болѣ почитаетъ, а про дубинку про эту, какая ихъ угощала, понятное дѣло, молчокъ. Потомъ собрались всѣ урядники, стражники и самъ становой съ ними, староста имъ указалъ, гдѣ онъ, Емеля, проживаетъ, они и входятъ въ избу къ нему всѣмъ гуртомъ:

— Ну теперь, Емеля-дурачокъ, мы тебя съ солдатами заберемъ, саблями тебя зарубимъ, — слѣзай скорѣй съ печи, надѣвай зипунъ на плечи, къ допросу отправляйся!

А онъ опять не слушается, — ихъ полна изба напихалась, а онъ опять не идетъ, въ углу пѣсенку поетъ:

Ой, вы, очи, ясныя мои очи,
Емеля на расправу итить не хоча!

Они его честью умоляютъ, а онъ опять свое, опять эти очи поетъ. Ну, какъ они его опять раздражили, онъ и говорить:

— По щучью по веленью, по моему моленью, — а дубинка эта такъ и лежитъ съ нимъ на печкѣ, — ну-ка, говорить, дубинка, попотчуй ихъ сахаромъ!

Та дубинка сейчасъ встаетъ и давай ихъ охаживать съ головы на голову, станowego и стражниковъ, и повыгнала, значить, всѣхъ изъ хаты вонъ.

— Ну что теперь съ нимъ дѣлать, — становой говорить, — какъ его намъ взять, ребята?

А одинъ стражникъ и надумайся:

— Давайте, говоритъ, обманомъ возьмемъ. Скажемъ, что тебя самъ государь велѣлъ пригласить. Онъ тебѣ велитъ всякихъ пряниковъ медовыхъ надавать. (А онъ, Емеля, любитель былъ ѣсть эти пряники и жамки). Онъ тебя, молъ, досыта накормитъ, государь-то.

Сговорились такъ-то, пришли и давай его улещать, волновать. Ну онъ и согласился. Ну хорошо, говоритъ, благодарю васъ за вниманіе, ступайте ко двору и не беспокойте себя, — я самъ къ нему, къ государю, поѣду.

Они и ушли всѣ отъ него, а онъ и приказываетъ печкѣ:

— Ну-ка, говоритъ, печка, ступай-ка теперь, по моему приказу, къ самому къ царю во дворецъ! Про насъ съ тобой слава до самого царя дошла. Онъ, государь, общаетъ меня жамками накормитъ, а я любитель до нихъ.

Печь сейчасъ же заворачалась, захрустѣла, загремѣла по избѣ, выпросталась наружу съ нимъ и полетѣла стрѣлой, а онъ развалился на ней, все равно какъ на пассажирномъ поѣздѣ, на паровозѣ ѣдетъ. Подъѣзжаетъ къ государеву дворцу, приказываетъ царскимъ вратамъ открыться и претъ прямо на печкѣ на этой къ балкону, къ крыльцу къ главному, а самъ шумитъ, кричитъ во всю глотку, во всю праведную, ой, вы, очи, мои ясныя очи! Часовые слуги бѣгутъ, хотятъ его унять, усовѣстить, а государь услыхалъ этотъ шумъ-бардакъ и самъ, значить, вмѣстѣ съ дочкой-наслѣдницей на крыльцо выходитъ:

— Что ты, говоритъ, невѣжа, тутъ кричишь, зачѣмъ ты, говоритъ, въ наши царскіе покои пріѣхалъ, чудеса твои, на печкѣ ѣдишь? Сказывай кто ты такой, ты, вѣрно, Емеля-дурачокъ?

А Емеля подымается съ печки, разбираетъ виски съ глазъ, утираетъ сопли-возгри и кланяется ему, государю своему:

— Такъ точно, молъ, ваше императорское величество, это я самый и есть. Я, говоритъ, затѣмъ сюда пріѣхалъ, го-

сударь-батюшка, что вы меня звали пряниками кормить, а я любитель ихъ ѣсть.

— Я тебя не пряниками кормить, — говоритъ ему государь съ гнѣвомъ, — я тебя велю сейчасъ въ тюрьму забрать! Я тебя, говоритъ, заберу подъ арестъ.

— А за что же, ваше императорское величество, забереете вы меня?

— А за то, говоритъ, что ты на саняхъ безъ лошади ѣдишь, народъ смутьянишь и жителей большое число подавилъ, помялъ. Я велю сейчасъ тебѣ голову снести. Вотъ тебѣ мечъ и голова долой съ плечъ!

Царь ему говоритъ — на тебя жалобъ много, за это тебѣ нехорошо будетъ, за безчестье такое, а онъ опять играетъ пѣсню ой вы, очи, мои ясныя очи, на печкѣ лежитъ и пѣсню кричитъ во всеё рыло. Государь осерчалъ, разгорячился, кликнулъ прислугъ, часовыхъ, — взять, дескать, его въ двадцать четыре часа! — а Емеля, понявши такое дѣло, полны портки со страху напустилъ и говоритъ поскорѣй:

— По шучью по веленью, по моему низкому прошенью, влюбись въ меня, царская дочь-наслѣдница, просись замужъ за меня!

Прислуги бѣгутъ, хотятъ его съ печи тащить, а царская дочь начинаетъ государя со слезьми за него просить:

— Лучше, молъ, государь-батюшка, меня скажите, — я не могу его злой смерти перенести, у него волшебное слово есть. Вы, говоритъ, не смотрите, что онъ такой сопатый, толстопятый, глаза дыркою, носъ просвиркою, онъ носъ утретъ, за Иванъ-царевича сойдетъ!

Ну, государь и сжалился на нее, наслѣдницу свою. Оттрепалъ для видимости Емелю-дурака за вшивый вихоръ, наказалъ ему строго на строго больше такъ-то не охальничать, накидалъ ему на печку изъ собственныхъ рукъ леденцовъ-пряниковъ, а Емеля накланялся ему, набилъ зобъ этими кусками, дубинкой махнулъ, печку повернулъ и пошелъ че-

сать на печкѣ ко двору, скачетъ-летитъ, а самъ еще пуще прежняго свою пѣсню шумитъ, — только по лѣсу отзывается!

Тутъ долго-ли, коротко-ли, только царская дочь, какъ только онъ, значитъ, скрылся съ глазъ долой, и зачѣмъ по немъ сохнуть, горевать: онъ ей просто съ ума не идетъ, — дюже влюбилась въ него по этому по щучьему слову! Государь видитъ ея муку и наконецъ того обращается къ ней, проситъ ее во всемъ сознаться. Ну, она ему и покаялась:

— Государь, молю, батюшка, я вся истянулася, истощала по нему, по Емель-дураку. Не отдавай мнѣ царства-государства, а построй мнѣ фамильный склеп-могилу, коли не хочешь меня замужъ за него отдать!

Ну что тутъ дѣлать государю при такихъ рѣчахъ? Онъ опять сжалился на нее и посылаетъ сейчасъ посланниковъ въ эту деревню, гдѣ, значитъ, Емеля проживалъ, лаптемъ щи хлебаль. Приѣхали эти посланники верхомъ на коняхъ, нашли его въ этой деревнѣ, взошли въ избу и давай его умолять:

— Емелюшка, милый, видно, молю, добился ты своего: не будешь ни пахать, ни косить, будешь только жамки въ ротъ носить. Государь тебя честию къ себѣ проситъ, хочетъ дочку за тебя выдать. Утирай свои сопли, чеши свои кудлы, надѣвай портки-рубаху — мы тебѣ за сваху!

А онъ, Емеля, еще ломается, — а, дескать, теперъ миль сталь!

— Я, говоритъ, по людски ничего не хочу дѣлать. Я всѣмъ головамъ голова. Я на печи поѣду. Мнѣ ваши кареты-коляски безъ надобности. Мнѣ съ печи слѣзать не хочется. Моя думка одна — себя не трудить, а на свѣтѣ послаже пожить.

Посланники, понятно, и на то обрадовались, — имъ царь не велѣлъ безъ него и на глаза показываться, — на всѣ его причуды подписываются, въ поясъ ему кланяются, а онъ

велитъ братьямъ съ невѣстками прибратъсь какъ надо и съ нимъ вмѣстѣ ѣхать, — полно, молю, вамъ тутъ въ лѣсу сидѣть, на пни глядѣть! Они — въ голосъ, кричатъ, рыдаютъ, не хотятъ съ домомъ разставаться, робѣютъ этого дѣла, ты, говорятъ, и насъ подѣ великую бѣду подведешь, а онъ говоритъ, если, говоритъ, честию не поѣдете, я васъ силой посажу. Велѣлъ всѣмъ жаровья рубахи, красные сарафаны надѣвать, — они, дурачки-то, любятъ красненькое да ясненькое! — насажалъ всѣхъ на печку, чисто цвѣты какіе, наказалъ сидѣть смирно-благородно, заигралъ свою веселую пѣсню и поперъ наружу, — только пороги затрещали!

Въ полѣ навстрѣчу ему — коляска золотая, государь, значитъ, выслалъ, солдаты вездѣ стоятъ, честь отдаютъ, на караулъ держатъ-тянутся, а онъ ихъ и во вниманье не беретъ и опять его печка прямо къ балкону везетъ. Выходитъ государь: «Приѣхалъ, говоритъ, Емеля?» — «Приѣхалъ, молю, такъ точно. А на что, государь-батюшка, я нуженъ вамъ?» — «А на то, говоритъ, нуженъ, что сокрушили вы мою дочку, хочу васъ повѣнчать съ нею. Съ печи, говоритъ, поскорѣй слѣзайте, а вы, дочка наша, хлѣбъ-соль ему подавайте».

Ну, Емеля, понятно, поскорѣй долой, ему только и надо было этого приглашенья, велѣлъ и братьямъ съ невѣстками слѣзать, стать въ сторонкѣ и шопоту никакого не дѣлать, потомъ поцѣловалъ какъ надо государю ручку, невѣстѣ честь-честью поклонился, — хоть бы и не дураку впору! — хлѣбъ-соль принялъ, и пошли они, значитъ, всѣмъ міромъ, соборомъ прямо въ царскіе хоромы. Тамъ государь доложилъ домашнему священнику, велѣлъ ему въ церковь итти, все къ вѣнцу готовить, а самъ вынесъ икону завѣтную и благословилъ Емелю съ своей дочкой на жизнь вѣчную. Потомъ, понятно, носъ ему утерли, въ банѣ отмыли, въ красный кафтанъ нарядили и свадьбу по всему закону сыграли, а государь подѣ него тутъ-же полцарства своего подписалъ.

Я на томъ пиру, какъ говорится, былъ, да, признаться, все это дѣло забыть, — дюже пристально угощали: и теперь глазъ отъ синяковъ не продеру!

А Емеля сталъ жить да поживать, на бархатныхъ постеляхъ лежать, душу сладкими закусками ублажать да свою царевну за хохолокъ держать:

— Моль, и безъ меня управятся, — съ государствомъ-то!

Ив. Бунинъ.

Парижъ, 1921 г.

МАРИНА ЦВѢТАЕВА

РАЗСВѢТЪ НА РЕЛЬСАХЪ

